

Миллиарды – на заплатки

Спасет ли бюджет дорогая нефть? Да, она снова «по сто», но... Сравниваем апрель 2026 и апрель 2022 года

Фото: Сергей Булкин / ТАСС

09:12, 18 мая 2026,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Минфин РФ опубликовал **данные** о росте нефтегазовых доходов бюджета в апреле 2026 года, а администрация США, хоть и не сразу, все-таки в качестве исключения продлила истекшее смягчение санкций в отношении подсанкционной российской нефти. Решение вступает в силу с 19 мая на 30 дней. Напомним, что в марте Вашингтон уже приостановил эти санкции, пытаясь замедлить рост цен на нефть на фоне войны США и Израиля с Ираном, что позволило прокрасться в общественное сознание определенному воодушевлению — иные люди вспомнили апрель 2022-го.

Тогда, четыре года назад, скачок цен на нефть действительно наполнил казну рекордными 1797 млрд рублей, позволив правительству запустить «структурную трансформацию» и резко нарастить расходы.

«Вот и сейчас...» — нет, пока не надо торопиться. И дело не в санкциях. С точки зрения бюджетной ситуации «нефть по сто» в 2022-м и «нефть по сто» в 2026-м — это принципиально разные истории. Даже по сумме поступлений, не говоря уже о структуре расходов бюджета и макроэкономическом эффекте для экономики.

Доходы: апрель-2026 против апреля-2022 — в два раза меньше

В апреле 2022 года нефтегазовые доходы федерального бюджета составили 1797 млрд рублей. В апреле 2026 года — только 856. Ровно в два раза меньше. При этом средняя цена нефти марки Urals в 2026 году была даже выше — \$93–107 за баррель против \$80–85 в 2022-м. Однако из-за укрепления рубля рублевая цена барреля оказалась не выше, а зачастую ниже, чем четыре года назад. Добавьте к этому сокращение физических объемов экспорта, и будет понятно, почему ценовой фактор перестал быть однозначно позитивным для бюджета.

Главные же отличия заключатся в конструкции налогообложения российской нефтянки.

С 1 января 2024 года обнулены экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты. Это решение готовилось несколько лет, но его финальная стадия пришлась на момент, когда бюджет уже испытывал дефицит. Вспомним: в апреле 2022 года только экспортные пошлины принесли казне около 348 млрд рублей. Сейчас их практически нет — соответствующая статья доходов в апреле 2026 года дала лишь 56 млрд (остатки по газу и нефтепродуктам).

На смену пошлинам пришел повышенный НДС (налог на добычу полезных ископаемых) на нефть, но его сборы в 2026 году составили 771 млрд рублей против 1152 млрд в 2022-м. Разница в 380 млрд объясняется не только дисконтом, но и тем, что ранее существенная часть нефтяного дохода изымалась через пошлину, а теперь остается у экспортеров.

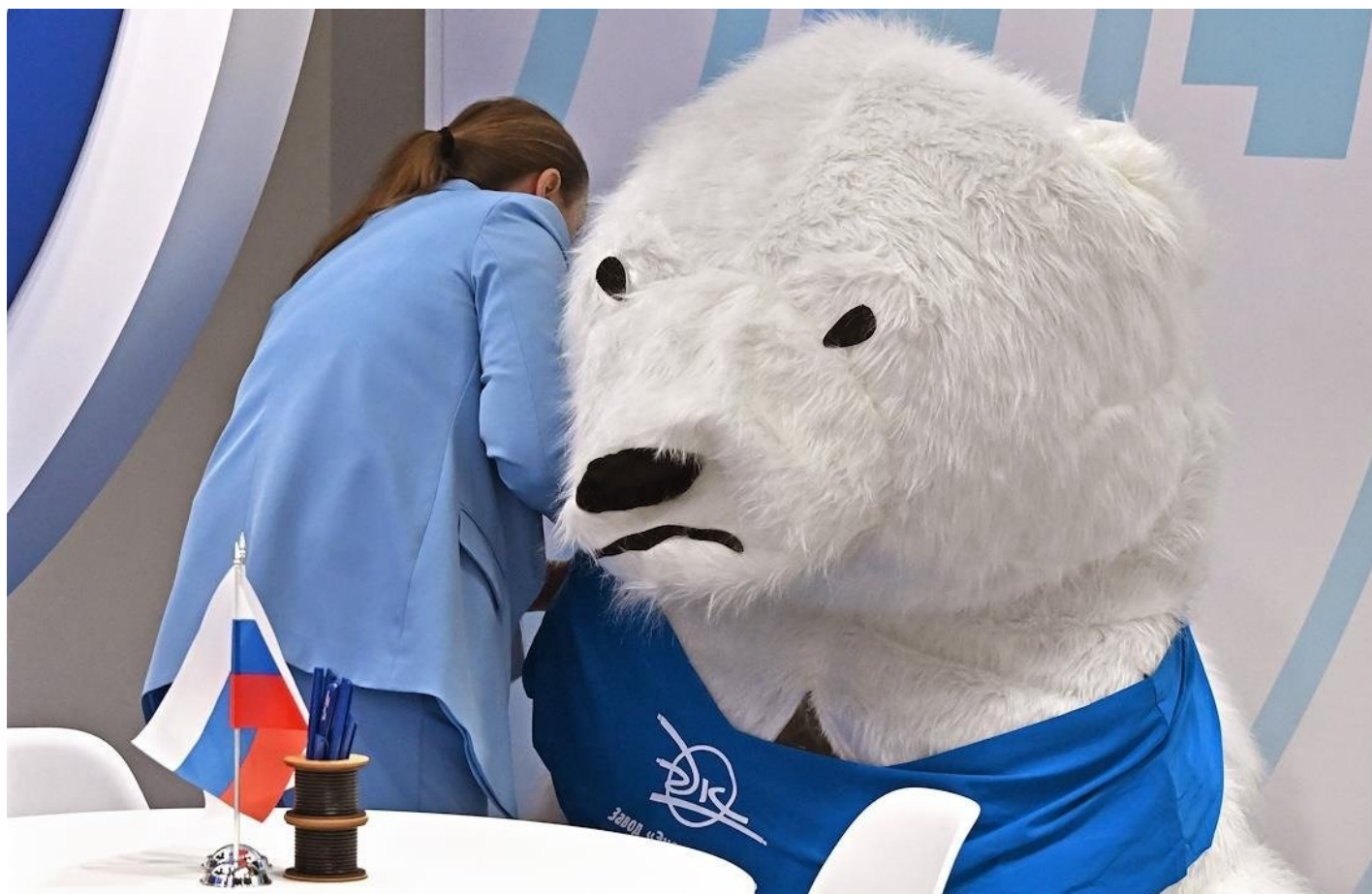
Налог на дополнительный доход (НДД) также резко просел — с рекордных 766 млрд рублей в апреле 2022 года до 260 млрд в апреле 2026-го. Его база (старые месторождения) при высоком дисконте и крепком рубле дает гораздо меньше. А топливный демпфер — компенсация нефтяникам, чтобы те не задирали цены внутри страны, наоборот, «подорожал». Если в апреле 2022 года этот отрицательный акциз составлял около 80 млрд рублей, то в апреле 2026-го он достиг 152 млрд. Чем выше экспортная цена, тем больше бюджет вынужден компенсировать нефтяникам. Механизм демпфера, задуманный как временная сглаживающая мера, превратился в постоянную и «дорогую» статью расходов.

Сложите все вышеприведенные изменения, дисконт и укрепившийся рубль, и получится, что даже при более высокой цене Urals бюджет теряет почти 900 млрд рублей в месяц по сравнению с 2022 годом. Новая налоговая реальность делает

нефтегазовые доходы менее чувствительными к росту цен — это, если специальным языком, называют «понижением фискального мультипликатора нефтяной ренты».

Бюджетное правило и резервы: от накопления к проеданию

Напомним о бюджетном правиле. Это механизм, который защищает экономику от резких колебаний цен и предполагает разделение нефтегазовых доходов на базовые, которые идут на государственные расходы, и сверхдоходы, которые попадают в Фонд национального благосостояния (ФНБ). В 2022 году базовая цена отсечения составляла \$44,2 за баррель — то есть все, что зарабатывалось выше сверх, уходило в Фонд. А так как фактическая цена нефти была значительно выше, дополнительные доходы исчислялись сотнями миллиардов, и Минфин активно покупал валюту и золото. В 2026 году базовая планка поднята до 59 долларов за баррель, но как раз компенсаций нефтяникам (демпфера) дополнительные доходы в апреле оказались всего +21 млрд рублей. А за I квартал 2026 года и вовсе образовался дефицит нефтегазовых доходов в 570 млрд рублей, который пришлось закрывать продажей резервов ФНБ.

Национальный нефтегазовый форум 2026. Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

Ликвидная часть ФНБ на 1 апреля 2026 года сократилась до 3889 млрд рублей (1,7% ВВП). Для сравнения: в начале 2022 года она превышала 9 трлн рублей. Запас прочности тает. И хотя 6 мая Минфин объявил о покупке иностранной валюты и золота на общую сумму 110,3 млрд рублей, это лишь техническая коррекция. Восстанавливается только пятая часть потраченного за I квартал. До масштабов 2022 года, когда дневные покупки доходили до 10–15 млрд, далеко.

Расходы: 2022 и 2026 — небо и земля

Но разница между двумя апрелями не исчерпывается доходами и резервами. Не менее важно, куда идут бюджетные деньги.

В 2022 году прирост нефтегазовых сверхдоходов правительство направляло помимо социальных выплат на поддержку широкого круга гражданских отраслей — строительство, транспорт, машиностроение, аграрный сектор,

инфраструктурные проекты. Бюджетный мультипликатор был высоким: каждый рубль, вложенный в эти сферы, оборачивался заказами для малого и среднего бизнеса, ростом занятости, увеличением спроса на смежные товары и услуги. Экономика получала импульс, который через цепочки поставок распространялся по всему производственному спектру.

В 2026 году ситуация иная. Основной прирост расходов (а в I квартале они выросли на 17% год к году, до 12 885 млрд рублей) уходит в сектор, который экономисты называют «непроизводительным» с точки зрения потребительской экономики. «Приоритетный» (и сами понимаете какой) для правительства сектор требует колоссальных ресурсов, но создает крайне короткие производственные цепочки и слабо стимулирует развитие рыночных секторов. Вклад «приоритетного» сектора в создание добавленной стоимости для гражданской экономики значительно ниже, чем у инфраструктурных или промышленных проектов. Мультипликатор таких расходов в разы ниже.

Именно поэтому

даже значительные бюджетные вливания не превращаются в устойчивый экономический рост. Вместо этого они раскручивают инфляцию издержек: рост зарплат без роста производительности труда, повышение цен на товары и услуги.

Бюджетный импульс работает «вхолостую» для гражданской экономики, а Центральный банк вынужден гасить его последствия высокой ключевой ставкой.

Ненфтегазовые доходы и долговая нагрузка

Помимо нефтяных поступлений и структуры расходов важна и динамика ненфтегазовых доходов. В I квартале 2026 года они выросли на 7,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, до 6866 млрд рублей. Однако этот рост обеспечен в основном повышением налоговой нагрузки (роста НДС, отмены льгот по страховым взносам для малого бизнеса), а не расширением экономической базы. При этом доля убыточных компаний по всей экономике в промышленности достигла 38%. Налоги растут быстрее, чем прибыль, что ведет к сокращению инвестиций и уходу в тень.

Фото: Сергей Булкин / ТАСС

Долговая нагрузка также увеличилась. Государственный долг субъектов Федерации на 1 января 2026 года составил 3872,7 млрд рублей, увеличившись на 9,8% за год, а расходы на его обслуживание выросли на 41%. Федеральный долг, по оценкам,

перевалил за 25 трлн рублей. При текущих ставках (14–16% по ОФЗ — облигации федерального займа) даже умеренный рост долга требует все больше бюджетных средств на обслуживание.

Это замыкает круг:

чем выше дефицит — тем больше заимствования, чем больше заимствования — тем выше процентные расходы, которые увеличивают дефицит.

Так поможет ли бюджету дорогая нефть? Да, но с серьезными оговорками

Нефть больше не является безусловной «подушкой безопасности». Даже при идеальной для бюджета конъюнктуре — цена Urals выше 100 долларов, дисконт сжимается — доходы вряд ли превысят 1100–1200 млрд рублей в месяц. Это все равно на 30–40% ниже апрельских показателей 2022 года.

Дефицит федерального бюджета может не закрыться нефтяной премией. Апрельские сверхдоходы дали лишь +21 млрд, а майская покупка валюты — это скорее индикатор стабилизации, а не начало масштабного накопления резервов.

ФНБ будет продолжать сокращаться. При любом новом падении цен Минфину придется снова продавать валюту, а при высоких ценах — покупать ее в скромных объемах. Профицита нефтегазовых доходов, достаточного для значительного наращивания резервов, в ближайшие годы не предвидится.

Бюджетный мультипликатор упал. Даже если доходы каким-то чудом вырастут, львиная доля дополнительных рублей пойдет в

непроизводительный сектор, направленный на выполнение «приоритетных задач», но у него короткая цепочка добавленной стоимости. Это значит, что экономический рост, который население и бизнес могли бы почувствовать, останется слабым, а инфляционное давление — высоким.

Ненефтегазовые доходы растут за счет налогового пресса, а не за счет расширения базы. Это создает порочный круг: повышение налогов сокращает легальную экономику, что в итоге снижает поступления, а бюджетный дефицит требует новых изъятий.

Госдолг и процентные расходы продолжают расти. При сохранении текущей бюджетной политики долговая нагрузка может достичь критических уровней уже в 2027–2028 годах, особенно если цены на нефть упадут.

Подводим итог. Апрель 2026-го — не повторение 2022-го. Это финал эпохи, когда бюджет мог жить на нефтяную ренту и «качать» гражданские отрасли. Новая эпоха только начинается. Правительство будет искать другие источники доходов — повышение налогов, ужесточение фискального контроля, наращивание госдолга. И делать это в условиях охлаждающейся экономики, где гражданские отрасли (строительство, автопром, металлургия) уже находятся в рецессии, а быстрого смягчения финансовой политики от ЦБ ждать не приходится. Минфин перестал тратить резервы — но до восстановления прежних объемов накопления и тем более до возврата к модели «дорогая нефть — щедрый бюджет» еще очень далеко. И это, пожалуй, главный вывод для всех, кто все еще надеется на нефтяное чудо.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Жители страны стали-таки главным источником денег](#)

Что из нашего кармана утекает в бюджет, а что из бюджета вытекает. Налоговая «анатомия» российской экономики

11:46, 15 мая 2026, Дмитрий Прокофьев